

КОНСОЛИДАЦИЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА

Анджей Вержбицки

В казахстанской этнополитике много внимания уделяется формированию единого *народа Казахстана*. Такое, соответствующее гражданско-территориальным критериям определение нации отвергает разделение граждан Казахстана на «титულных» и «нетитулных», «большинство» и «меньшинство». Об этом свидетельствует множество инициатив и документов, в том числе, *Доктрина Национального Единства Казахстана*. В очередной раз это подчеркнул Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев в своём последнем *Послании народу Казахстана*: «*Вся казахстанская идентичность должна стать стержнем исторического сознания нашего народа*» [1]. Основой казахстанского государствообразующего процесса, как правильно замечают Анатолий Косиченко и Аскар Шоманов, не являются однозначно ни этнический, ни гражданский принципы [2]. Такая этнополитика не устраивает ни национал-патриотов, для которых здесь недостаточно учитывается интерес казахского народа, ни некоторых представителей политических и национально-культурных организаций неказахской части населения, для которых она является слишком «казахофильской» [3]. Казахстанским лидерам удалось выработать особую модель общежития различных этносов [4]. Однако полная консолидация народа Казахстана возможна в случае преодоления внутриказахского и межэтнического разделения.

Внутриказахская консолидация

Соответственно *Доктрине Национального Единства Казахстана*, «...перед казахским народом, который дал своё имя стране, стоит новая историческая миссия: стать консолидирующим центром объединения нации» [5]. Реализация этой миссии обусловлена консолидацией казахского народа, столкнувшегося с явлениями, препятствующими внутренней консолидации.

Первое – это укрепление казахской национальной идеи и сопутствующее ему возрождение трайбализма. У национализма и трайбализма – противоположные цели. С одной стороны, само по себе возрождение и укрепление родоплеменной или жузовой принадлежности не является отрицательным процессом. Наоборот, всю свою историю казахи существовали как триединое, хотя иногда разобщённое целое, и их естественным стремлением было всегда сохранять эту исторически сложившуюся этнонациональную особенность. Парадоксально, но иногда внутреннее этническое разделение способствует сохранению единства. По мнению Льва Гумилёва, «разделение этноса на племена выполняет функцию скелета, на который можно «натянуть» мускулы, благодаря чему он приобретает силу для борьбы с «неприятным окружением» [6]. Но, с другой стороны, жузовая солидарность или межжузовые соглашения являются признаком казахского национализма, стремящегося к политическому преобладанию над остальными этносами [7]. К структурам власти допускаются представители жузов, т. е. только казахи, что ограничивает поступление на госслужбу на центральном и региональном уровне лиц других национальностей. Тем самым усугубляется противоречие между общенациональными и родоплеменными целями. В результате, как пишет Берик Абдыгалиев, страной управляет узкая этноэлита, «этническая корпорация», которая не представляет весь казахский народ, но имеет свой частный интерес [8].

Насколько «живой» является жузовая принадлежность, доказывают исследования Казахстанского института социально-экономической информации и прогнозирования, по которым лишь 11,1% опрошенных респондентов-казахов не знают о жузах, либо не относят себя к жузам [9]. 2/3 казахских респондентов знают семь поколений своих предков. Одновременно появляется дуальное измерение внутриказахской идентичности, поскольку только 0,9% казахских респондентов ощущают себя, в первую очередь, представителями жуза и 4,1% – представителями рода. Зато 56,7% респондентов отождествляют себя с казахстанцами, гражданами Республики

Казахстан и 32,9% – с представителями своей национальности [10]. При выборе деловых партнеров 44,6% респондентов отдадут предпочтение представителям своего рода. На этом основании можно сделать вывод, что на общегосударственном макроуровне значение жузовой или родоплеменной принадлежности ослабевает, но её роль растёт на микроуровне.

Вторым барьером, который осложняет консолидацию казахского народа, является феномен *шала қазақ* – многочисленного казахского русскоязычного населения, отличающегося от традиционных казахов – *нағыз қазақ* [11]. «Меня беспокоит, что нацию искусственно делят на «нағыз казахов» и «шала казахов» [12], но такое деление, к сожалению, существует. *Шала қазақ* это казахи, которые, кроме русского языка, принимали также русское сознание и культуру, но оставались казахами, соответственно действующему самоопределению: «Я – казах, но не владею казахским языком».

Ключевое значение для национальной солидарности имеет вера в сообщество кровного происхождения, унаследованного от родителей и основанного на языке. С одной стороны, как писал польский учёный Станислав Осовски, язык стал самым распространённым критерием национального единства, поскольку родной язык – это язык родителей и может быть признаком происхождения, особенно в пограничье, где соседствующие этнические группы отличаются друг от друга языком [13]. С другой стороны, прав британский учёный А. Смит, для которого язык не является детерминантой национальной идентичности [14]. Поэтому уместной кажется теория Л. Гумилева, в которой «каждый этнос имеет свою внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения» [15].

Называть *шала қазақ* русифицированными казахами не совсем корректно, поскольку под русификацией надо подразумевать действия или стратегии, целью которых является сделать кого-то русским и/или стремление кого-то стать русским [16]. Советская национальная политика не стремилась превратить нерусские народы в русских [17]. Даже если со временем нерусские всё сильнее идентифицировали себя с

русскостью, то она была только неизбежным инструментом на пути к созданию *интернационалистского советского народа*. Скорее всего, шала қазақ – это результат культурной и языковой ассимиляции, незаконченной полной национальной конверсии [18]. *Шала қазақов* считают переходным субэтносом между казахами и русскими, что осложняет межэтнические отношения. Несомненно, деление казахов на *шала қазақов* и *нағыз қазақов* отрицательно влияет на формирование единого народа Казахстана. Оно доказывает также, что этнонационализм и примордиалистские концепции нации на постсоветском пространстве не имеют права на существование в условиях дифференциации и смешения населения.

По данным приведённого выше исследования, отношения между казахами, знающими и не знающими казахский язык, носят негативный оттенок (56,4%). Для 24% респондентов – это «отчуждённость», а для 32,4% – «неприязнь». Оптимистично настроен 41,4% респондентов, которые оценивают отношения между этими группами казахского народа как «понимание» [19]. Автор статьи был свидетелем общения русско- и казахоязычных казахов. Каждая сторона говорила на другом языке, они не понимали друг друга и, следовательно, не могли найти компромисс. Со стороны русскоязычных казахов это было невозможно, поскольку они не знают казахский язык. Со стороны казахоязычных казахов не было желания перейти в разговор на всеми понимаемый русский язык. Поражали сильные эмоции обеих сторон, поскольку их раздражал факт, что они не могут договориться в своей стране. Таким образом, общение безрезультатно прекращалось.

Межэтническая консолидация

Следующим шагом на пути консолидации народа Казахстана, после преодоления внутриказахского разделения, должна быть межэтническая интеграция. 55,4% респондентов согласны с тем, что многонациональный состав народа Казахстана способствует более успешному развитию страны. В этническом разрезе ответы респондентов различаются: с таким тезисом согласны в большей степени неказахи (русские – 66,7%,

узбеки – 58,8%, украинцы – 66,7%, уйгуры – 83,3% и т. д.), чем казахи – 46,7%. Среди казахов больше всего тех, у кого нет определённого мнения (33,3%) [20]. Дистанцирование казахов от идеи многонационального народа Казахстана, имея в виду их толерантность и отзывчивость, возможно, вытекает из опасности уменьшения значения и интересов казахского населения в полиэтнической среде.

Самой многочисленной неказахской частью казахстанского общества остаются русские, которые по переписи населения 2009 г. составляют 23,7% населения страны. К главным проблемам неказахской части общества принадлежат языковая политика и этнополитическое разделение труда [21]. Языковой вопрос остаётся актуальным и слишком политизированным.

Как я раньше доказывал, язык – очень важный, но не самый главный фактор национальной идентификации. В Казахстане я встречался с представителями диаспор, которые однозначно декларировали свою национальную идентификацию, но сразу добавляли, что не знают своего родного языка. Это, конечно, сложный вопрос. С одной стороны, незнание языка не мешает декларировать: «Я – поляк, я – татарин, я – немец». С другой стороны, существует опасность, что незнание родного языка приближает личность к ассимиляции. К языковому вопросу надо относиться с особым уважением. Хотя с научной точки зрения язык не определяет национальной (этнической) принадлежности, то для народа имеет символическое значение. С особым уважением нужно относиться к пожилым людям, которые не в состоянии изменить своих языковых навыков [22].

Проблемой независимого Казахстана является недостаточное распространение казахского языка. Значимость этой проблемы проявляется в разных ситуациях и не только в сфере политики, но даже на бытовом уровне. Пока роль консолидатора народа Казахстана исполняет русский язык. Распространению казахского языка не должно сопутствовать уменьшение значения русского языка. Владение им, по словам президента Н. Назарбаева, является «историческим преимуществом» казахстанцев.

Для дальнейшего развития казахского языка и укрепления его статуса как государственного, в т. ч. консолидирующего народ, нельзя предпринимать меры, принуждающие народ к его изучению, потому что санкции и репрессии приведут к противоположному результату – создадут нежелание и неприязнь. Первоочередным шагом должно быть широкое внедрение методов морального и материального стимулирования знания и использования государственного языка, а также организация системы бесплатных языковых курсов по интенсивному обучению государственному языку. Преимуществом Казахстана и его народа должно стать реальное двуязычие.

Языковая политика не стала, несмотря на намерения властей, ни реальным инструментом этнизации государства, ни нацииобразующим фактором. Введение казахского языка в делопроизводство, изменения топонимии пока не повлияли в достаточной степени на этнизацию нетитульного населения, хотя сферы применения государственного языка расширяются. Следует ожидать, что действительный прогресс в расширении коммуникационного пространства казахского языка будет достигнут не благодаря организационно-финансовым усилиям власти, а за счёт демографической этнизации – увеличения численности мигрантов из казахоязычных деревень в русскоязычные города.

Этноязыковый конфликт не угасает. Принимают участие в нём две самые важные стороны: 1) получающие преимущество представители казахской нации, являющиеся приверженцами языковой этнизации и отвечающие за массовое распространение их родного языка; 2) защитники русского языка среди нетитульного населения, требующие уравнивания статуса русского языка с языком титульной нации и введения двух государственных языков – казахского и русского. Официальная языковая политика старается избежать этнических конфликтов, учитывая интересы обеих конфликтующих сторон, но неказахские этносы обычно отождествляют власть с интересом исключительно казахского народа. Решению проблем языковой политики вряд ли будет способствовать введение латинского алфавита. Значи-

тельная часть экспертов, участвовавших в экспертном опросе в 2007 г., скептически отнеслась к этой инициативе [23].

Знание государственного языка является одним из критериев этнизации структур власти, т. е. возникновения этнократии, которая является также признаком этнического разделения труда. Дело не в том, что представители демографически преобладающего этноса доминируют в структурах власти. Дело также не в том, что в силу исторических, культурных или социально-экономических причин, сформировавшегося образа жизни, представители определённых этносов в трудоспособном возрасте специализируются в конкретных отраслях экономики или профессиях. Это – вполне понятно и естественно. Особое значение в разделении труда занимает государственное управление. Проблема возникает тогда, когда преобладание одного этноса в госструктурах центрального и регионального уровней намного превышает их долю в этническом составе населения.

По приведённым В. Курганской данным, в 2004 г. казахи, составляющие в это время около 57,9% населения, занимали 79,3% политических и административных должностей госаппарата [24]. По данным переписи населения 2009 г. ситуация изменилась [25]. Казахи, составляющие 63,1% населения, занимали 76% должностей в госуправлении. Представительство других этносов не соответствовало их доле в составе населения (примерно русские, составляющие 23,7% населения, занимали 16,8% должностей; узбеки – соответственно, 2,8% и 0,8% и уйгуры – 1,4% и 0,8%) [26]. Из этого следует, что казахи достаточно, а другие этносы недостаточно представлены в государственном управлении. Опасность такой ситуации состоит в том, что недостаточное представительство в госструктурах способствует отчуждению неказахов, для которых власть и вся страна могут восприниматься таким образом чужими. Поэтому очень правильным является заявление Президента Н. Назарбаева: «Я требую, чтобы Правительство и акимы навели порядок в трудовой политике. Надо, чтобы на работу, особенно в органы местной власти, набирали лучших, вне зависимости от этнической принадлежности. Критерий один –

высочайшая этика и профессионализм. Необходимо исправить однобокость, наблюдаемую при подборе кадров в министерствах и акиматах всех уровней» [27].

Этнополитика Казахстана достигает больших успехов на пути к объединению всех граждан, равноправных представителей казахстанских этносов в народ Казахстана – полиэтническую политическую нацию с сохранением своей этнической принадлежности, формированием и укреплением гражданской идентичности. Полное достижение единства возможно не в силу одноразовой декларации, так как нациестроительство или нациеобразование – это длительный процесс. Он имеет своё начало, свою динамику, но практически никогда не заканчивается. Поэтому под консолидацией народа Казахстана надо подразумевать постоянные усилия власти и всех граждан к преодолению внутри- и межэтнических барьеров.

Литература

1. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. – Астана, 2012.

2. *Kosičenko A.* Budowa państwa narodowego w Republice Kazachstan; *Šomanov A., Kosičenko A.* Kazachstańska państwowość narodowa w warunkach globalizacji, в: *T. Bodio, W. Jakubowski, P. Załęski (red.).* Azja Centralna – problemy historii i współczesności. Центральная Азия – проблемы истории и современности // *Spółczesność i polityka.* – 2007. – Nr 2–4 (11–13).

3. *Sarsembayev A.* Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990 s // *Central Asian Survey* (1999). – 18(3).

4. *Дунаев В.* Концептуальные основания и стратегические приоритеты этнополитики современного Казахстана // *Polityka Wschodnia.* – 2012. – Nr 2 (2). – С. 110.

5. Доктрина Национального Единства Казахстана. – Астана, 2010. – С. 16.

6. «Сложность внутренней структуры этноса повышает его способность противостояния неприязненному окружению в ситуации, когда этносу с простой структурой угрожает гибель». См.: *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера земли. – М., 2004. – С. 133.

7. Wierzbicki A. Etnopolityka w Azji Centralnej. Między wspólnotą etniczną a obywatelską. – Warszawa, 2008. – S. 405.

8. Абдыгалиев Б. Казахская миссия. – Алматы, 2007. – С. 17.

9. Принадлежность к Старшему жузу указали 17,7% опрошенных, к Среднему – 51,9% и к Младшему – 19,3%. См.: Кризис и казахстанское общество: социологическое измерение/ Мухамеджанов Б.Г., Жусупова А.С. – Алматы, 2010. – С. 54.

10. Там же. – С. 56.

11. Подробнее см.: Жакупов Ж. Шала қазақ: прошлое, настоящее, будущее. – Алматы, 2009.

12. Послание Президента ..., указ.соч.

13. Ossowski S. Więź społeczna i dziedzictwo krwi. – Warszawa, 1966. – S. 119.

14. Smith A. Etniczne źródła narodów. – Kraków, 2009. – S. 37.

15. Гумилев Л. Этносфера. История людей и история природы. – М., 2003. – С. 99–101, 570.

16. См.: Миллер А. Империя Романовых и национализм. – М., 2008. – С. 61.

17. На начальном этапе советского строительства реализованная большевиками национальная политика поощряла не-русские народы с целью формирования на местах восприятия, что советская власть – это власть родная, своя, а не насаждаемая русскими. По американскому учёному Терри Мартину, национальную политику СССР в 20-х гг. XX в. можно определить как *affirmative action* («политика положительного действия» или «политика позитивной дискриминации»). См.: Martin T. The Soviet Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in Soviet Union, 1923–1939. – New York-London, 2001. – P. 4–9.

18. Среди учёных нет единого мнения по поводу возможности национальной (этнической) конверсии. Антонина Клоковска подчёркивала, что национальная идентификация может меняться в течении жизни человека посредством культурной принадлежности, а её результатом не обязательно будет полное поглощение другой культурой. Российский антрополог Сергей Абашин утверждает, что «ясного ответа на вопрос – может ли человек сменить этничность – не существует». По его мнению, этничность является чем-то данным человеку, то, на что он не имеет влияния, независимо от концептуальной точки зрения – конструктивисткой или примордиалистической. См.: Kłoskowska A. Kultury narodowe u korzeni. – Warszawa, 2005. – S. 141; Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности. – Ст. Петербург, 2007. – С. 296.

19. Кризис ..., указ. соч. – С. 59–60.

20. Там же. – С. 48–49.

21. Кроме этого, русские в Казахстане стремились к признанию статуса второго государствообразующего народа и автономии или федерализации страны. Сейчас эти вопросы сняты с повестки дня.

22. На встрече с группой казахстанских поляков в Шортандинском районе в 2011 г., среди которых преобладали люди среднего и преклонного возраста, языком общения был русский язык. Встреча произошла в рамках наблюдательной миссии на президентских выборах в 2011 г.

23. См.: *Wierzbicki A.* Указ. соч. – С. 379–380.

24. Показатель Празаускаса (соотношение представителей этноса в госструктурах и доли в населении) составлял для казахов 1,4. *Курганская В.* Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования. – Алматы, 2004. – С. 166.

25. Занятость населения в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. II том. – Астана, 2010. – С. 116.

26. Показатель Празаускаса для: казахов – 1,2; русских – 0,7; узбеков – 0,3 и уйгуров – 0,6.

27. Послание президента ... Указ. соч.